

HAL
open science

Aesthetics of History: the example of Russia

Pavel D Simashenkov

► **To cite this version:**

Pavel D Simashenkov. Aesthetics of History: the example of Russia. Modern European Researches, 2019, 3, pp.47-55. 10.5281/zenodo.3381211 . halshs-02274081

HAL Id: halshs-02274081

<https://shs.hal.science/halshs-02274081>

Submitted on 29 Aug 2019

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Distributed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Pavel D. Simashenkov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Public Administration Chair,
“IMI” University, Samara

pavel.simashenkov@yandex.ru

AESTHETICS OF HISTORY: THE EXAMPLE OF RUSSIA

Abstract. *The article highlights the problem of studying historical time in terms of aesthetics and social ethics. The essence of history, according to the author, is not so much in retrospection or reflection, but in the gap between feeling and awareness. Guided by the apophatic method, the author analyzes the historiosophical views of domestic and foreign scholars and comes to the conclusion that the Soviet paradigm is true, where the only vector of human development is the liberation of labor in the name of creating a bright future for the sake of all people and for everyone.*

Key words: *Russian history, Russian philosophy, creativity, religious philosophy, social ethics, philosophy of history, apophaticism, aesthetics.*

Introduction

If the Russian people are destined to receive value
in the future destinies of mankind, then only as the bearer
of great truth — the mutual complement
of spiritual personalities, moral unity of all people.
N. Grot

History begins when we have transcended what had happened, evaluating and thereby recognizing it, because even when telling someone a story, a person transforms it with his own manner of narration. Consequently, objective historicism is impossible at all, and the subjectivism of historians is smoothed with their worldview, conscience and talent. Ever since the chronicles in Russia, defeats have been described in more detail than victories — probably, as an edification in what must be surpassed and what should not be repeated. It turns out that history and time exist as long as people do not know what they are doing. According to M. Pogodin, “the more humanity develops, the clearer its actions will be ... and, finally, History will be the present time itself, i.e. a Man will act and know his actions at the same time, or, it is better to say, there will be no History anymore ”[1]. Its essence, therefore, is not so much in retrospection or reflection, as in syncope, in the gap between meter and rhythm, feeling and awareness, between thought and action (that is why, probably, in the old days the historian-chronicler was called the records-maker).

Nowadays, Tyutchev's line “in Russia we can only believe” is topical as never before. Two generations, fooled by anti-Soviet propagandists, are completely disoriented and trained in the atmosphere of their native history oblivion and contempt for the Russian culture. It is late and useless to appeal to documentary sources as truths of first instance because it is easy to present particular as general against a background of the abundance of information.

Rational arguments in the clip-like nano-consciousness of young people are mixed with scraps of memes, quotes from show sociologists, folk historians, political freaks and other populists and idle talkers. There is only one conclusion and way out: to take as a basis a paradigm based on common human values created in the USSR and to believe in the Soviet vision of the world and national history course. The Marxist base does not interfere with the belief, quite the contrary. Consciously professing the ideals of communism, one can conscientiously develop science, and not only from the standpoint of determinism (by the way, bourgeois theories are much more guilty of it).

During perestroika, people were lured out of the Russian world with promises of publicity and openness. However, the Russian world has never been closed, because it has always been internal! It is whole — that is what could not be forgiven. Moreover, just as the acquisition of the inner, spiritual world treasures makes external relations secondary, so the development of culture forms self-sufficiency. It is important to emphasize: isolation and self-sufficiency are not the same thing. The Orthodox, by its very nature, the Russian (and Soviet, of course) world did not know the “external”, therefore the law of conservation acted specifically in it: the generously wasted energy of the Russians was diligently appropriated and kept by the sharp, practical neighbors.

While western researchers succeeded in the world cognoscibility problems (in fact, cognoscibility through speculative schemes devising), domestic thinkers were fond of the recognizability of Perfection in the manifestations of human existence. This category is providential. The aestheticization of the temporal is a national feature and a special form of our historical thinking.

Discussion

It is ridiculous to see apotheosis,
it is unfair to see only anathema
A. Herzen

The stumbling block in the discourse of Russian history is European history, which, for some reason, is taken for reference simply because of its presence. It is all right for differential diagnostics, but it is unlikely fit for realization of the mission and the search for the Path. The fact that the national culture absorbs foreign experience with surprising speed proves only the user's orientation of the latter, its time-serving vector. Of course, technological delights are not bad, but they are just the optimization of various aspects of life in the plane of its convenience, while the issues of prospects (and, therefore, of meaning) are left without proper attention. Let us recall the lines of Yu. Ryashentsev: “it is not a thing to overcome the lack of roads, it is a challenge to work your way through”.

Speaking of prospects and continuity, let us note: the excess of activity of one generation was harmonized by the excess of the feelings of the next one, which idealized the simplicity of the predecessors' practice, transforming it into the pathos of creation. In Russia, the amplitude of this affective-effective pendulum was so great that the domestic version could be characterized almost as a bipolar disorder of history [2]. It was saved from such a diagnosis by the amazing integrity of the Russian people nature. The periods of power stability engendered the affected internal emigration, while the heroic moments brought forth the harsh

"practitioners." The most touching legends are written in silence of stagnation, the most heroic ones - in the wilderness of timelessness.

The state has always tried to keep up with the century (such is the cross of sovereignty — to focus on external challenges and symptoms), that is why it was fatally late with transformations. But the intelligentsia is destined to be either desperately advanced, or hopelessly old-fashioned (which is, in fact, the same thing), that is why its time comes one way or another. It seems to us that the key to understanding the Russian “historical feeling” is in this desynchronization, derived from idiosyncrasy, intolerance of power: the bronzing stagnation stimulated the desire to comprehend your place in alien world. On the contrary, reforms contributed to the accumulation and assimilation of knowledge, least of all disposing to reflection and sentiment (more likely — to the criticism of reformers).

However, after hastily strapping up the political background to the Russian culture, we risk to understand nothing. Actually, politics was of no concern to anyone here, but the problem of social ethics was always painful (ethics of power, first of all). Of course, the history of Russia is largely determined by the history of its statehood. Even because the cream of the national culture are entirely the accusers of the ruling regime. Moreover, precisely those who placed special hopes on the state; who believed that the right power would lead people into the realm of justice.

The championship belongs to the one who runs faster; who, having got rid off all the unnecessary burden, even the very clothes, travels lightly and overtakes rivals, argued B. Chicherin [3]. This is very accurate — about the bourgeois-positivist model of progress, which has thrown off unnecessary moral and cultural principles and perished in the supermarket of happiness technologies created by it. In Russia, philosophy developed primarily as an art, not a science, for it lived more with a talent than a method — “as a direction that frees Russian thought from spiritual slavery” (words by I. Aksakov [4]). From this point of view, it is hardly correct to debate about domestic universal-philosophical constructs — historiosophical problems were studied primarily (A. Khomyakov, P. Lavrov, L. Karsavin), social-ethical (A. Radishchev, N. Berdyaev, bro. Aksakovs) and aesthetic (Vl. Soloviev, K. Leontiev, A. Losev). However, these questions were never perceived as particular ones; a distinctive feature of the Russian worldview is striving for integrity (as by K. Balmont: “the whole world must be justified so that you can live”). We believe that the specificity of national philosophy is in the scale of the personalities of thinkers who have suffered their views. Social ethics is the concern of people with a moral core, while unprincipled creatures crawl into politics. All sorts of constraints in the sphere of social activities perfectly contribute to the cultural and spiritual growth of thinking individuals, without lowering them to the kind of public people.

Our knights of the mind have their own “Holy Grail” — the search for answers to “cursed questions”. As a result, the concept of social is usually ideological (and moreover, it is not at all ideologized). This is (in the words of V. Bibikhin) “not permitted and not prohibited state of philosophy in Russia” [5]. Here they tried to turn the ideal into the real, in the West they cashed the ideal into the real [6]. Russian restlessness originates from here, it is contrastingly noticeable against the background of a cozy Euro-life. The God-bearing people will not find a place for themselves until all people feel well (Chekhov’s “we are unhappy, but all of humanity will be happy”). Restlessness — is a kind of disorder in the first place; that is why we are building all the time, while others get settled in what we have built. Naturally, this is not about a place under the sun (there is a plenty of it in Russia), but about complacency.

Evolution (even in bio-format) is a way of shallowing, and the Russian soul is most distressed by shallowing: both scales and morals. Therefore, psychological techniques and management storyboards are not for us. The attempts of modern domestic (are they really domestic?) sociologists to formulate the “commandments of motivation”, “ten habits that enrage the boss”, “how to impress the interviewer” etc. look stupid, cynical and vacuous [7]. In the American format, the fabrication of science from such trifles looks even cute in some ways and not so coarse, but such pettiness humiliates the researcher in the national tradition.

The angle of national culture descent is equal to the angle of bourgeois mass cult ascent. Therefore, eastern philosophy attracts the West not by its depth and antiquity, but by spiritual practices, i.e. again by tricks of enlightenment. Even Hinduism met the demands of consumers by mutating into cosplays for hippies and hare Krishnas. We believe that Russian philosophy will avoid such an unenviable fate and will never become an average-world-wide popular. This is not a localistic tendency, but the need for special cultural preparation and asceticism, without which approaching to the treasury of Russian thought is possible, but communicating is doubtful: it is too personal, unique thing that cannot be duplicated.

As they say, the darkest place is under the lamp: few book truths have taken root in national life, which is why the gap between the desired and the real in Russia is so dramatic. The notorious questions “what to do?” and “who is to blame?” were being solved by thinkers impractically, pretending to be “in the spirit”. Hence the bitter disappointment in the degradation of ideals, and the peculiar “apocalyptic optimism” of Russian thought. Spiritual Russia was never preoccupied with the idea of “catching up and overtaking”. Meanwhile, the state Russia was rushing around in the circle of reforms, now boasting of advanced positions, now wondering at its lagging behind others. No wonder: it is difficult to understand who is running away and who is catching up in the circle, and to distinguish the outsiders from the leaders. According to the tagged characteristic of G. Fedotov, Russian messianism is an extreme form of reaction to Western temptation, an extreme form of anti-Westernism, and, therefore, again the same Westernism [8].

Perhaps the well-known difference between foreign and Russian cultures lies in the very sense of reality. In Europe, for example, realism (as a direction in art) was quickly replaced by other, more tendentious, alternative “-isms” (impressionism, cubism, Fauvism etc.). In Russia, critical realism predominated for a long time (and it was not officially proclaimed at all) as a general line; in the USSR, socialist realism was especially revered. But, no matter how the unfortunate avant-garde and anti-Soviet propagandists ridiculed it, it turned out to be genuine and it was incomparably higher than the primitive-descriptive naturalism of the perestroika-time depressive things. The reason, apparently, is the point of view: the socialist realists preferred the promising one, while the artisans of noir and art house narrowed their horizons and “creative methods”. As a result, their life observations degenerated, in the best case, into still lives (literally “dead nature”) of everyday signs, and, at worst, into the mediocre protocol statement of the politicized topic of the day.

The passion of the West for Dostoevsky, Chekhov and Tolstoy is a phenomenon of the same order, explained quite simply: all three authors described ordinary people reliably. There is no need to explain that the mentioned classics are far from being simple descriptors that is why the understanding of their works “here and there” is so different. Nevertheless, foreign interpretations of Russian literature seldom went beyond the limits of illustrativeness, at best hopelessly resting on the “phenomenon of the mysterious Russian soul”, which became

(and rightly!) a synonym for a beautiful and insoluble paradox. So, Russian (in our opinion) is not an ethnic characteristic, but cultural affiliation, and it is innate at the same time.

Results

In nations developing distinctively,
richness of content precedes perfection of form.
A. Khomyakov

History paints its self-portrait with people as if with oil colors. But what a miracle — in general, the picture resembles each of us. There is its own, special, personal iconostasis in the temple of the soul. Nevertheless, as long as individuals form a society, then there will be images (for the most part) of the same saints — the conscience of the nation in such temples. However, this does not mean that the faces of all the icons will be displayed as standard. The canon and the template are incompatible things, and the inviolability of dogma in Russia is ensured by its beauty (such as, for example, separateness and inseparability). Russian thinking is speculation in colors (the term of E. Trubetskoy), but not in abstractions, because abstraction is nothing more than nude concrete thing. Therefore, it is attractive to immature minds, as every nudity to all immature ones. The beauty of Truth is in the image, but not in the formula.

N. Leskov subtly notes the essence of aesthetization in the immortal tale about the Russian Lefthander, shoeing a steel English flea [9]. The dancing flea is a joke, a techno-Kunstwerk, but a shoed one is a witty artifact, and why should it dance in such a status? The pursuit of functionality turns art into design and mass culture. The competitive rush needed in flea search is hardly conducive to contemplative God-seeking. This is an answer to those who believe that the Russians have acquired technologies and philosophical theories in bulk from the West. Perhaps they adopted something, but how they assimilated and decorated those things, how much they transformed them!

We understand the aesthetics of history as a creative search for co-existential harmony. These researches are not similar either to criminalistics (detection, fixation and evaluation of evidence at the trial of history), or to the substitution of harmony with the dead symmetry of checks and balances. Aesthetization is a way of resolving the antithesis between love for near person and love for distant one, designated by F. Nietzsche and developed by S. Frank. Let us make a reservation: craving for beauty and justice in the Russian character has little in common with Nietzsche's "love for things and ghosts," since the materialization and the phantom of the ideal are equally disastrous for it. The ideal is not a standard, much less it is an illusion that hides or decorates improper realities. The irrational reality of the ideal comprehends reality. Such is the superation of history, when the next note adorns and justifies the previous one: if only because without the previous one it would be impossible, even in dissonance. Harmonization is an aesthetic interpretation rather than reconciliation, adaptation, compensation, or a formal alternative.

To find harmony means to grasp the consonances and resonances of the worldview with the universe; in this sense of rhythm, syncope is the root of the perception of history. Naturally, it is at a certain frequency; consequently, there are as many variations as there are frequencies — those details and circumstances around which, in agreement with which

harmony is built. There is a subjective, very humane moment: which image we should consider as the key one; therefore ideology seems to us to be the aesthetic category, and creativity the ethical one. In a word, against the background of the principle of equality of all under ideals vulgarization law, distinctiveness is in the way the ideal of creativity is realized by one or another nation. “The Russian man thinks like in the plastic art, not abstractly. He is an artist, an esthetician in religion too. A slight soaring over the heavy inertia of historical positivism is the most archaic feature, the first Christian one in Russian religiosity. Russians are modern Thessalonians, children of Paul,” wrote A. Kartashev [10]. We believe that the imaginative thinking of Russians is clearly manifested in the unique sense of subtexts, allegories and allusions, for there exist only those things that are not for real in the present. Moreover, it is no longer surprising why satire from all the literature in Russia is the genre, which is always up-to-date and prophetic; although (according to the logic of things) it should be the most “perishable” and tightly tied to a temporal context.

The golden rule of social mechanics says: we lose in politics — we win in conscience. Perhaps the legend about the Varangians invitation is not a statement of a specific fact (it doesn't matter, if it is distorted or not), but a witty idea when the people do not wait for the chance to be conquered, but determine for themselves those strangers who will remain alienated in power status forever. Russian statehood was not formed by a foreign conquest, but expanded by an internal conquest, fabricated according to an external scheme: for example, in the Petersburg period hereditary bureaucracy (the term of I. Aksakov) earnestly oppressed their own people. However, it is true enough that the fury of Peter's reforms is partially redeemed by the enlightenment of Russia (as in G. Gorin's bitter aphorism: “He was a great enlightener, flogged ruthlessly!”)

We emphasize: individuality creates history, i.e. inseparability (in literal translation from Latin). In masses, it manifests itself objectively, physically (solidarity, unity), in the personality — psychologically: the integrity of the great personality nature elevates proselytes spiritually, forcing to recall conciliar person. People inspired (and not motivated) by prophets and saints are transformed into the world, and led by leaders — into the nation. We believe that the dilemma of “personality or mass” in the creation of history issue is not so relevant. The historical role of the masses is in the revision and reduction of ideals. It is noteworthy that there are means in the Russian language that can unmistakably mark retirement from the scene: *chaadaevschina* — characteristic of Chaadaev (snobbish criticism), *dostoyevschina* — characteristic of Dostoevsky (obsessive repentance), *tarkovschina* — characteristic of Tarkovsky (dull pretentiousness). This device emphasizes the typification, parodying the external forms of something originally extraordinary, personal, and sincere.

In this perspective, an associative circle that closes to domestic history is also extremely interesting. For example, Peter the Great is called the first Russian Bolshevik, and Count S. Witte — the first Commissar (respectively, People's Commissar of Finance G. Sokolnikov — is called “Soviet Witte”). On the other hand, few people would think of correlating the personality of Ivan the Terrible with Henry VIII Tudor or Nero; a comparison with Stalin is much more adequate (at the same time, not Stalin with Hitler!). We deliberately made analogies in the field of politics, as its principles are simple and, therefore, universally similar. However, even here the parallels are artificial and strained. In the field of literature, this sounds utterly absurd: is it not ridiculous to call Lermontov — Russian Byron, and K. Leontiev — Russian Nietzsche, and talk about the identity of “War and Peace” with “Gone

with the Wind”? As you can see, such comparisons are superficial at best, incorrect, irritate the eyes and grate upon the ears - in other words, they are ugly. Here, there is a decisive nuance, in this irrational but quite perceptible aesthetic feeling, it is obviously higher than factology and abstract logic.

However, there are indicative exceptions that support the rule. They quite rightly liken Gorbachev to Judah. It is precisely because Gorby is certainly an anti-Russian character, alien to Russian culture cosmopolitan (in general, traitors are the same and despicable everywhere). Moreover, the scale of his betrayal is truly universal.

The fact is that Brezhnev, along with Lenin, is one of the most consistent humanists of all time. “Dear Leonid Ilyich”, not possessing Lenin's gift as a theoretician, was remembered as endlessly touching person in his sincere desire to bring a bright future for millions of Soviet people, taking care of improving their life, education and, in general, social well-being. But the people, historically brought up by the atmosphere of solving a priori overwhelming tasks, were discouraged by the opportunity to stop, take a rest and experience a “feeling of deep satisfaction” with their deeds. Eternal dissatisfaction with the present situation manifested itself in the fact that the temporary halt was later called temporal stagnation. We emphasize that stagnation is a thoroughly false formulation — a propaganda stamp that claims to be the image of an era, but paradoxically sanctified by the people's memory.

The Hollywood history of Russia began with Perestroika, the era of popular colonial guignol. To discredit socialism, the overseas masters of Gorbachev told him where to get a “conscience of the nation” — among “Afghan” veterans and supposedly miraculously surviving “victims of Stalinist repressions” (for some reason lived quite safely until the end of the eighties, and even worked on a fat media field). It is significant that in Brezhnev's times, the supreme authority shied away from high life and was modest in behavior, although its representatives received numerous state awards. It was on the desire not to publicize their merits that demons of glasnost played, fanning the myths that the leaders of the stagnation era were not leaders at all, and the departed leaders were not leaders. In this low competition with the dead, Gorbachev was able to acquire cheap authority for a while and obtain the status of guarantor of perestroika. The following guarantors exploited the same know-how, destroying historical continuity, distorting the very idea of progress and the historical fate of the nation [11].

Thus, the vulgarization of the ideal begins when exceptions become rules, thereby losing their exclusivity. The current (initiated and provoked by the West) restoration of the Stalin's Empire-style ruins and the old-fashioned willful autocracy is nothing more than a wax figures show and an entertaining and distracting Disneyland style farce, fabricated on imperial tales and Soviet political jokes base. Oddly enough, a purely Russian tendency to self-denial, bitter self-irony of looking at themselves from the “beautiful far away”, from the “impossible world” just helps the colonialists. But Russian kenotism also contains a powerful superational stimulus for development and improvement. It is not amazing that one of the most ridiculed Soviet idioms was the notorious “feeling of deep satisfaction”, credo of the blessed Brezhnev's “stagnation”. Only after a thirty-year-old post-perestroika wonderland, these words became clearer and closer to us, shining like stars that are always better seen from the bottom of the well.

Conclusion

Can one imagine history? What is its form?

History can only be felt.

The historian's task is to feel God.

M. Pogodin

History is written as a warning to posterity, living people need it, and it must certainly be alive in order to console, educate and teach. Its lessons are that it tends to repetition, calling for work on mistakes correction. History is not for the apology of the past, but for the sake of the justification of the living.

These are times when utilitarian “how?” and “why?” are not convenient any more, people are not satisfied with objective “why?”, they ask — for what? The main thing in any history is to find out its ending; this tragic knowledge gives it special value in terms of research and gives a sense to aesthetization. Historical research is not an investigation experiment and it is not limited to reconstruction of events; it rather needs restoration of cultural memory (in a way, these are Gestalten of the national history, deduced from it as contents from content). The human mind and imagination will restore the lost fragments more delicately and more naturally than formally calculated interpolations and averaged bits and pixels.

Probably, our respected reader has noted that our text is replete with negative particles and antitheses. Firstly, thereby emphasizing its polemic nature (by the way, very characteristic of the traditions of Russian thought). Secondly, the apophatic character and method of presentation are indicated, because apophatics is the art of persuading without argument, therefore — fundamentally alien to confrontation. According to Val. Muravyov, “all changes in the world studied by science are a function of one or another multiplicity of elements” [12]. It turns out that it is extremely difficult for a person to embrace unity, to think in timeless categories. Science is not capable of this, but religious and creative thinking has a chance.

Let us reject simplifications: humanity is not at all a statistical totality of “people”, it is more correct to represent it in a way that should be in the future. Collective humanity will surpass the contradictions of any theories of progress: mystical, positivistic, and idealistic. Ultimately, the dispute between the two worlds (Soviet and bourgeois) is also rooted in the symbol of faith — the question of the possibility of building communism. Perhaps, it is because the Russian word “построение” paradoxically exists in the measurements of both the process and the result. Result-oriented ones mock, devotees, believing in the Path — build. We are convinced of the truth of the Soviet paradigm, where the only vector of human history is the liberation of labor in the name of creating a bright future for all and for everyone.

Undoubtedly, Russian history is unique, but it is by no means local, not isolated and not marked with the eternal Horde label of Eurasianism. If we consider the West and Russia in terms of power, there is an amazing synchronization of government forms: military democracy, early feudal monarchies, fragmentation, nation-states, estate-representative monarchies, enlightened absolutism, etc. When compared in the context of technological growth, the obvious lag of our country is revealed. Comparing the history of philosophy, we find rare statics, the inviolability of the Russian picture of the world (“a stopped watch at least twice a day shows the correct time”), especially against the background of a foreign worldview assortment. As a result, we can say that the three selected coordinate systems completely form an integral space of historical time for Russia, while bourgeois humanities often serve needs,

adapting reality to obviousness, simplifying the eternal to relative. Hence, we have various forms of determinism, tolerance, quasi-concepts (modern, postmodern), nihilism and a *lot of criticism*, however, not always constructive. Naturally, we cannot live without criticism and comparisons, but our purpose is in transcending it, in superation.

Thus, Russia is indeed another planet, but together with the planet of the West it revolves in different orbits around common Christian ideals. Another question is that the West is permanently experimenting with the settings of the orbit radius and speed of rotation, planning to land on the Luminary and its closest appropriation (the dialectics of the proper and the existing, metaphysical and empirical), and Russia's attitude to the sacred Luminary is proper reverential, it does not change its orbit, and it will rather allow the apocalypse at home than the disappearance of a light source.

We may have allowed ourselves not quite academic imagery, and metaphorical presentation, but this is again in line with the national tradition. It seems to us that aesthetization is the path (of course, difficult) that does not cause people to quarrel and reminds them: there is a sense of beautiful in everyone; the mission of a man is a creative search for harmony in himself and in everything around him. There will always be both scientific and eventual novelty in such an approach. Russian aesthetics of history is unthinkable without paradoxism.

References

1. Pogodin M.P. Works: [In 5 volumes]. M.: Synod. typ., 1872-1876.
2. Simashenkov P.D. About continuity in the political history of Russia // Culture and education: from theory to practice. 2015. V. 1. No. 1. P. 27-31
3. Chicherin B.N. Philosophy of law. Selected Works. M., 2016. 408 p.
4. Aksakov I.S. Collected works. M., 1886. 846 p.
5. Bibikhin V.V. Mir. M., 2007. 432p.
6. Pavel D. Simashenkov. About Russian version of historical progress // Modern European Researches. Salzburg, 2019.No.2. P. 52-58
7. Simashenkov P.D. The competence-based approach in personnel policy: an attempt with unsuitable means // Kadrovik. 2018. No. 11. P.72-79
8. Fedotov G.P. Russia and freedom. In the book: New City. New York, 1952. P.139-171
9. Leskov N.S. Collected works in 11 volumes. Volume 7. M.: Goslitizdat, 1958. 497p.
10. Kartashev A.V. Reconstruction of Holy Russia. Paris, 1956. 251p.
11. Simashenkov P. D. Historical progress and involution of ideals: ethical and philosophical research. Samara: ASGARD Publishing House, 2017. 176 p.
12. Muravyov V.N. Works. Book 1 M.: IMLI RAS, 2011, 704p.

Симашенков Павел Дмитриевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и правового обеспечения государственной службы

АНО ВО Университет "МИР", г. Самара
pavel.simashenkov@yandex.ru

ЭСТЕТИКА ИСТОРИИ: ПРИМЕР РОССИИ

Аннотация. В статье обозначена проблема исследования исторического времени в ракурсе эстетики и социальной этики. Суть истории, по мнению автора, не столько в ретроспекции или рефлексии, сколько в разрыве между чувством и осознанием. Руководствуясь апофатическим методом, автор анализирует историософские взгляды отечественных и зарубежных мыслителей и приходит к выводу об истинности советской парадигмы, где единый вектор человеческого развития — освобождение труда во имя сотворения светлого будущего ради всех и для каждого.

Ключевые слова: история России, русская философия, творчество, религиозная философия, социальная этика, философия истории, апофатика, эстетика.

Введение

Если русскому народу суждено получить значение в будущих судьбах человечества, то лишь как носителю великой истины — взаимного дополнения духовных личностей, нравственного единения всех людей.
Н. Грот

История начинается тогда, когда мы превосходим происшедшее, оценивая и тем самым осознавая его, ведь даже рассказывая кому-то историю, человек преображает её собственной манерой повествования. Следовательно, объективный историзм невозможен вовсе, а субъективизм историков скрашивается наличием у них мировоззрения, совести и таланта. Еще с летописных времен на Руси поражения описывались детальнее побед — вероятно, как назидание в том, что должно превзойти и что не должно повториться. Выходит, история и время бытуют дотол, покуда люди не ведают, что творят. По версии М. Погодина, “чем больше будет развиваться человечество, тем деяния его будут яснее... и, наконец, История будет само настоящее время, т.е. человек будет вместе и действовать и знать свои действия, или, лучше, уже не будет Истории” [1]. Суть ее, стало быть, не столько в ретроспекции или рефлексии, сколько в синкопе, разрыве между метром и ритмом, чувством и осознанием, между мыслью и действием (вот почему, наверно, в старину историка-хрониста называли дееписателем).

Ныне как никогда актуально тютчевское “в Россию можно только верить”. Два поколения оболваненных антисоветскими пропагандистами — полностью дезориентированы и выдрессированы в атмосфере забвения родной истории и презрения к русской культуре. Апеллировать к документальным источникам в качестве

истин первой инстанции поздно и бесполезно, на фоне избытка информации частное запросто можно выдать за общее. Рациональные аргументы в клиповом нано-сознании молодежи перемешиваются с обрывками мемов, цитат шоу-социологов, фолк-историков, политфриков и прочих популистов и пустосвятов. Вывод и выход один: взять за основу парадигму, основанную на общечеловеческих ценностях — созданную в СССР. И верить в советское видение хода истории мировой и отечественной. Марксистская база вере не помеха, скорее наоборот. Сознательно исповедуя идеалы коммунизма, можно осознанно развивать науку, и отнюдь не только с позиций детерминизма (им, к слову, в гораздо большей степени грешат буржуазные теории).

В перестройку людей выманили из русского мира посулами гласности и открытости. Но русский мир никогда не был закрытым, поскольку всегда был внутренним! Он цельный — вот чего ему не могли простить. И как обретение сокровищ внутреннего, духовного мира делает внешние связи второстепенными, так и развитие культуры формирует самодостаточность. Важно подчеркнуть: изолированность и самодостаточность — не одно и то же. Православный по самой природе своей, русский (и советский, конечно же) мир не ведал “внешнего”, поэтому и закон сохранения в нем действовал особенно: щедро растрачиваемая русскими энергия прилежно присваивалась и сохранялась сметливыми, “туго знающими жизнь” соседями.

Пока западные исследователи преуспевали в вопросах познаваемости мира (на деле — познаваемости посредством умозрительного схемостроения), отечественные мыслители увлекались опознаваемостью Совершенства в проявлениях человеческого бытия. А это категория провиденциальная. Эстетизация временного — национальная черта и особая форма нашего исторического мышления.

Дискуссионные моменты интерпретации

Видеть апотеозу смешно,
видеть одну анафему несправедливо
А. Герцен

Камень преткновения в дискурсе русской истории — история европейская, которую почему-то берут за эталон просто благодаря ее наличию. Для дифференциальной диагностики такое сгодится, но для осознания миссии и поиска Пути — вряд ли. То, что отечественная культура с удивительной быстротой впитывает зарубежный опыт, доказывает лишь пользовательскую ориентированность последнего, его приспособленческий вектор. Разумеется, технологические изыски это неплохо, но они — всего лишь оптимизация разных аспектов жизни в плоскости ее удобства, тогда как вопросы перспектив (а значит — и смысла) оставляются без должного внимания. Припомним строки Ю. Ряшенцева: бездорожье одолеть не штука, а вот как дорогу одолеть?

Говоря о перспективах и преемственности, отметим: избыток деятельности одного поколения гармонизировался избытком чувств последующего, которое идеализировало незатейливость практики предшественников, преобразуя ее в пафос созидания. В России амплитуда этого аффективно-эффективного маятника бывала столь велика, что отечественный вариант можно было характеризовать чуть ли не как биполярное

расстройство истории [2]. От подобного диагноза ее спасала удивительная цельность натуры русских людей. Периоды державной стабильности порождали аффектированную внутреннюю эмиграцию, в то время как героические моменты являли на свет суровых “практиков”. Самые трогательные легенды пишутся в тиши застоя, самые героические — в глуши безвременья.

Государство всегда пыталось идти в ногу с веком (таков крест суверенитета — ориентироваться на внешние вызовы и симптомы), потому-то фатально запаздывало в преобразованиях. А вот интеллигенции суждено быть либо отчаянно передовой, либо безнадежно старомодной (что, собственно, одно и то же), оттого ее время так или иначе наступает. Нам представляется, что ключ к пониманию русского “исторического чувства” — в этой рассинхронизации, происходящей от идиосинкразии, непереносимости власти: бронзовеющая стагнация стимулировала желание осмыслить свое место в не-своем мире. Наоборот, реформы способствовали накоплению и усвоению знаний, менее всего располагая к рефлексии и сантиментам (скорее — к критике реформаторов).

Однако, наскоро приторочив к русской культуре политическую подопку, мы рискуем ничего не понять. Собственно политика здесь мало кого волновала, зато вечно болезненной была проблема социальной этики (этики власти — в первую очередь). Конечно, история России во многом определяется историей ее государственности. Хотя бы потому, что весь цвет отечественной культуры — сплошь обличители правящего режима. И именно те, кто на государство возлагал особые надежды; кто верил, что правильная власть приведет людей в царство справедливости.

Первенство принадлежит тому, кто бежит скорее, кто, скинув с себя все ненужное бремя, даже самую одежду, налегке пускается в путь и перегоняет соперников, утверждал Б. Чичерин [3]. Это очень метко — о буржуазно-позитивистской модели прогресса, скинувшего с себя ненужные моральные и культурные принципы и сгинувшего в им же созданном супермаркете технологий счастья. В России философия развивалась преимущественно как искусство, а не наука, ибо жила скорее талантом, нежели методом — “как направление, освобождающее русскую мысль от духовного рабства” (слова И. Аксакова [4]). С данной точки зрения едва ли верно рассуждать об отечественных универсально-философских конструктах — разрабатывались преимущественно проблемы историософские (А. Хомяков, П. Лавров, Л. Карсавин), социально-этические (А. Радищев, Н. Бердяев, бр. Аксаковы,) и эстетические (Вл. Соловьев, К. Леонтьев, А. Лосев). Впрочем, вопросы эти никогда не воспринимались частными, отличительная черта русского мирозерцания — стремление к целостности (как у К. Бальмонта: мир должен быть оправдан весь, чтоб можно было жить). Мы полагаем, что специфика отечественной философии — в масштабе личности мыслителей, выстрадавших свои взгляды. Социальная этика волнует людей с нравственным стержнем, в политику же ползут существа морально беспозвоночные. Разного рода стеснения в сфере общественной деятельности прекрасно способствуют культурному и духовному росту думающих личностей, не опуская их до масти публичных людей.

У наших рыцарей разума свой “святой Грааль” — поиск ответов на “проклятые вопросы”, в итоге понятие социального почти всегда идеологично (притом — вовсе не идеологизировано). Таково (словами В. Библихина) “не разрешенное и не запрещенное

состояние философии в России” [5]. Здесь старались претворить идеальное в реальное, на Западе идеальное обналичивают в действительное [6]. Отсюда русская неприкаянность, контрастно заметная на фоне уютного евро-быта. Народ-богоносец не найдет себе места, пока всем людям не станет хорошо (чеховское “мы несчастны, но все человечество будет счастливо”). Неприкаянность — в первую очередь неустроенность, оттого мы все время строим, а другие в построенном нами устраиваются. Естественно, речь не о месте под солнцем (в России его с лихвой), но об успокоенности. Эволюция (даже в био-формате) есть путь измельчания, а русскую душу более всего огорчает измельчание: и масштабов и нравов. Посему психотехники и раскадровки менеджмента — не для нас. Потуги современных российских (отечественных ли?) социологов сформулировать “заповеди мотивации”, “десять привычек, которые бесят шефа”, “как понравиться на собеседовании” и проч. выглядят скудоумно, цинично и бессодержательно [7]. В американском формате фабрикация науки из пустяков смотрится в чем-то даже мило и не столь аляповато, но в отечественной традиции подобная мелочность унижает исследователя.

Угол падения национальной культуры равен углу отражения ей буржуазного масс-культа. Так, восточная философия привлекает Запад не глубиной и древностью, а духовными практиками, т.е. снова трюками просветления. Даже индуизм потрафил потребительству, мутировав в косплеи хиппи и кришнаитов. Нам верится, что русская философия избежит столь незавидной участи и никогда не станет усредненно-всемирно-популярной. В этом не местечковость, а необходимость особой культурной подготовки и подвижничества, без которых приближение к сокровищнице отечественной мысли возможно, но приобщение — сомнительно: слишком уж личностный, неклишированный подход, не поддающийся тиражированию.

Как говорится, самое темное место — под лампой: мало какие книжные истины пустили корни в национальный быт, оттого и разрыв между желаемым и действительным в России столь драматичен. Пресловутые “что делать?” и “кто виноват?” решались мыслителями непрактично, претворяясь “в духе”. Отсюда и горькое разочарование в деградации идеалов, и своеобразный “апокалиптический оптимизм” русской мысли. Русь духовная никогда не была озабочена проблемой “догнать и перегнать”. А Россия государственная тем временем носилась по кругу реформ, то кичась передовыми позициями, то изумляясь своему отставанию. Ничего удивительного: в кругу трудно понять, кто убегает, а кто догоняет, и отличить запаздывающих от успевших. По меткой характеристике Г. Федотова, русское мессианство есть крайняя форма реакции на западный соблазн, крайняя форма антизападничества, и потому все то же западничество [8].

Может быть, известная разница между иностранной и русской культурами заключается и в самом чувстве реальности. В Европе, к примеру, реализм (как направление в искусстве) быстро сменился другими, более тенденциозными, альтернативными “-измами” (импрессионизм, кубизм, фовизм etc). В России же критический реализм надолго закрепился (а вовсе не был официально провозглашен) в качестве генеральной линии; в СССР особо почитался реализм социалистический. Но, как бы это ни высмеивали горе-авангардисты и антисоветчики, он оказался подлинным и был несравненно выше примитивно-описательного натурализма перестроечной чернухи. Причина, видимо, в точке зрения: соцреалисты предпочитали перспективную,

в то время как ремесленники нуара и арт-хауса тенденциозно сужали и кругозор и “творческие методы”. В итоге их жизненные наблюдения выродились, в лучшем случае, в натюрморты (досл. “мертвая натура”) бытовых примет, а в худшем — в бездарно-протокольную констатацию политизированной злобы дня.

Явление того же порядка — увлечение Запада Достоевским, Чеховым и Толстым, объясняемое достаточно просто: все трое достоверно живописали обывателей. Нет нужды объяснять, что упомянутые классики отнюдь не бытописатели, оттого столь разнятся понимания их произведений “у них” и “у нас”. Тем не менее, импортные интерпретации отечественной литературы крайне редко выходили за пределы иллюстративности, в лучшем случае безнадежно упираясь в “феномен загадочной русской души”, ставший (и справедливо!) синонимом красивого и неразрешимого парадокса. Итак, русский (по нашему убеждению) есть принадлежность не этническая, а культурная, но при этом — врожденная.

Образы и образа истории: русский взгляд

В народах, развивающихся самобытно,
богатство содержания предшествует совершенствованию формы.
А. Хомяков

История пишет свой автопортрет людьми, словно красками. Но вот чудо — в целом картина похожа на каждого из нас. В храме души — свой, особенный, личный иконостас. Но коль скоро личности образуют общество, то в таких храмах будут образа (в большинстве своем) тех же святых — совести нации. Однако сие не означает, что лики всех икон станут изображать стандартно. Канон и шаблон — вещи несовместные, и незыблемость догмы в России обеспечивается ее красотой (как, например, неслиянность и нераздельность). Русское мышление это умозрение в красках (термин Е. Трубецкого), но не в абстракциях, ведь абстракция — не более чем обнажёнка конкретики. Тем и привлекательна для незрелых умов, как всем незрелым — всякая обнажёнка. Красота же Истины — в образе, но не в формуле.

Суть эстетизации тонко подмечена Н. Лесковым в бессмертном сказе о русском Левше, подковавшем стальную аглицкую блоху [9]. Танцующая блоха — прикол, техно-кунштюк, подкованная же — остроумный артефакт, и зачем ей в таком статусе плясать? Погоня за функциональностью превращает искусство в дизайн и масс-культ. Конкурентная спешка, необходимая при блохоискательстве, вряд ли способствует созерцательному богоискательству. В этом — отповедь полагающим, будто русские-де оптом приобрели у Запада технологии и философские теории. Возможно, кое-что переняли, но как освоили и украсили, насколько преобразили!

Эстетику истории мы понимаем как творческий поиск со-бытийной гармонии. Изыскания эти несходны ни с криминалистикой (обнаружением, фиксацией и оценкой доказательств на суде истории), ни с подменой гармонии мертвой симметрией сдержек и противовесов. Эстетизация — путь разрешения антитезы между любовью к ближнему и любовью к дальнему, обозначенной Ф. Ницше и развитой С. Франком. Оговоримся: тяга к красоте и справедливости в русском характере имеет мало общего с ницшеанской “любовью к вещам и призракам”, поскольку овеществлённость и

призрачность идеала равно для него гибельны. Идеал не эталон, тем паче — не иллюзия, скрывающая либо декорирующая малосимпатичные реалии. Иррациональная реальность идеала осмысливает действительность. Такова суперация истории, когда последующая нота украшает и оправдывает предыдущую: хотя бы потому, что без предыдущей и она была бы невозможна, даже в диссонансе. Гармонизация — скорее эстетическое истолкование, нежели примирение, адаптация, компенсация или формальная альтернатива.

Обрести гармонию — значит уловить консонансы и резонансы мироощущения с мирозданием; в этом чувстве ритма, синкопы — корень восприятия истории. Естественно, на определенной частоте; следовательно, и вариаций столько же, сколько частот — тех деталей и обстоятельств, вокруг которых и в согласии с которыми выстраивается гармония. Субъективный, очень человеческий момент: какой образ считать ключевым, поэтому идеология представляется нам категорией эстетической, а творчество — этической. Одним словом, на фоне принципа равенства всех перед законом опошления идеалов, самобытность — в том, как исповедуется идеал творчества тем или иным народом. “Русский человек мыслит не отвлеченно, а пластически. Он художник, эстет и в религии. Легкое воспарение над тяжелой инерцией исторического позитивизма — черта наиболее архаическая, первохристианская в русской религиозности. Русские — это современные фессалоникийцы, дети Павла”, писал А. Карташев [10]. Мы считаем, образное мышление русских ярко проявлено в уникальном чувствовании подтекстов, аллегорий и аллюзий, ибо в настоящем есть лишь то, чего нет по-настоящему. И уже не удивляет, почему в России из всей литературы сатира — жанр вечно актуальный и пророческий, хотя (по логике вещей) должна быть самой “скоропортящейся” и намертво привязанной ко временному контексту.

Золотое правило социальной механики гласит: проигрываем в политике — выигрываем в совести. Возможно, легенда о призвании варягов — не изложение конкретного факта (неважно, искаженное или нет), а остроумная идея, когда народ не ждет случая быть завоёванным, а сам определяет себе тех чужих, которые во властном статусе навсегда отчужденными и останутся. Русская государственность не была сформирована иноземным завоеванием, но ширилась завоеванием внутренним, сфабрикованным по схеме внешнего: так, в петербургский период наследственное чиновничество (термин И. Аксакова) усердно оприходовало собственный народ. Правда, лютость петровских реформ отчасти находит искупление в просвещении России (как в горьком афоризме Г. Горина: “большой просветитель был, порол нещадно!”)

Подчеркнем: историю творит индивидуальность, т.е. (в дословном переводе с латыни) нераздельность. В массе она проявляется объективно, физически (сплоченность, солидарность), в личности — психологически: цельность натуры великой личности духовно возвышает прозелитов, заставляя вспомнить о личности соборной. Люди, вдохновляемые (а не мотивируемые) пророками и святыми, пресуществляются в мир, а ведомые вождями — в народ. Мы полагаем, дилемма “личность или массы” в вопросе сотворения истории не столь актуальна. Историческая роль масс — в ревизии и редукции идеалов. Примечательно, что в русском языке есть средства, безошибочно определяющие выход в тираж: чаадаевщина (снобское

критиканство), достоевщина (обсессивная покаянность), тарковщина (унылая претенциозность). Этим приёмом подчеркивается типизация, пародирование внешних форм чего-то изначально неординарного, личного, пропущенного через сердце.

В данном ракурсе чрезвычайно любопытен также ассоциативный круг, замыкаемый на родную историю: так, Петра Великого именуют первым русским большевиком, а графа С. Витте — первым наркомом (соответственно, наркома финансов Г. Сокольникова — “советским Витте”). С другой стороны, мало кому придет в голову соотнести личность Ивана Грозного с Генрихом VIII Тюдором или Нероном; куда адекватнее сравнение со Сталиным (при этом — не Сталина с Гитлером!). Мы намеренно провели аналогии в сфере политики, т.к. принципы ее незатейливы и оттого повсеместно схожи. Тем не менее, даже здесь параллели искусственны и натянуты. В области искусства такое звучит сущим абсурдом: не дико ли называть Лермонтова русским Байроном, К. Леонтьева — русским Ницше, и говорить о тождестве “Войны и мира” с “Унесенными ветром”? Как видим, подобного рода сопоставления в лучшем случае поверхностны, неверны, режут глаз и слух — иными словами, некрасивы. Вот в этом иррациональном, но вполне уловимом эстетическом чувстве заключен решающий нюанс, он заведомо выше фактологии и абстрактной логики.

Есть, однако, показательные исключения, подтверждающие правило. Горбачева совершенно справедливо уподобляют Иуде. Именно потому, что Горби — персонаж откровенно антирусский, чуждый отечественной культуре (вообще, предатели повсюду одинаково отверженны и презренны), космополитичный. К тому же, и масштаб совершенной им измены — поистине вселенский.

Дело в том, что Брежнев, наряду с Лениным — один из самых последовательных гуманистов всех времен. Не обладая ленинским даром теоретика, дорогой Леонид Ильич запомнился бесконечно трогательным в искреннем желании приблизить светлое будущее для миллионов советских людей, заботясь об улучшении их быта, образования и вообще — социального самочувствия. Но народ, исторически воспитанный обстановкой решения априори непосильных задач, был обескуражен возможностью остановиться, передохнуть и испытать “чувство глубокого удовлетворения” содеянным. Вечное недовольство настоящим проявилось и в том, что временный привал позже окрестили временным застоем. Подчеркнем: застой — насквозь лживая формулировка — пропагандистский штамп, претендующий на образ эпохи, но парадоксально освященный народной памятью.

С перестройки началась голливудская история России, эра лубочно-колониального гиньоля. Для дискредитации социализма заокеанские хозяева Горбачева подсказали ему, где раздобыть “совесть нации” — среди ветеранов-“афганцев” и якобы чудом уцелевших “жертв сталинских репрессий” (отчего-то вполне благополучно доживших до конца восьмидесятых, да еще и подвизавшихся на тучной ниве СМИ). Характерно: в брежневские времена высшая власть чуралась светской жизни и была скромна в поведении, хотя представители её получали многочисленные государственные награды. Вот на стремлении не афишировать свои заслуги и сыграли бесы гласности, раздувая мифы о том, будто лидеры эпохи застоя — не лидеры вовсе, да и ушедшие вожди — не вожди. В этом низком состязании с умершими Горбачев смог на время обзавестись дешевым авторитетом и получить статус гаранта перестройки. Гаранты-последыши

эксплуатировали то же ноу-хау, уничтожая историческую преемственность, извращая саму идею прогресса и исторической судьбы нации [11].

Таким образом, опошление идеала начинается, когда исключения становятся правилами, тем самым теряя свою исключительность. Нынешнее (инициированное и провоцируемое Западом) восстановление руин сталинского ампира и кондового самодуро-державия — не более чем шоу восковых фигур и развлекательно-отвлекающий балаган в духе Диснейленда, сфабрикованный по мотивам имперских баек и советских политических анекдотов. Как ни странно, в помощь колонизаторам — чисто русская склонность к самоотрицанию, горькая самоирония взгляда на себя из “прекрасного далёка”, из “мира невозможного”. Но в русском кенотизме заложен и мощный суперационный стимул развития, совершенствования. Неспроста одной из самых осмеянных советских идиом стало пресловутое “чувство глубокого удовлетворения”, *credo* благословенного брежневского “застоя”. И только после тридцатилетнего постперестроечного зазеркалья слова эти стали понятнее и ближе нам, засияв, как звезды, которые всегда лучше видно со дна колодца.

Эстетика и парадоксализм

Можно ли представить историю? Где форма ее?
Историю вполне можно только чувствовать.
Задача историка — почуять Бога.
М. Погодин

История пишется в назидание потомкам, она нужна живым и непременно должна быть живой, дабы утешать, воспитывать и учить. Уроки ее — в том, что она имеет обыкновение повторяться, призывая к работе над ошибками. История не для апологии минувшего, а ради оправдания живущих.

Настают времена, когда уже не устраивает утилитарные “как?” и “зачем?”, людям становится мало объективного “почему?”, и они вопрошают — за что? Главное в любой истории — узнать ее финал; сие трагичное знание придает ей особую ценность в смысле исследования и наделяет смыслом эстетизацию. Историческое исследование не следственный эксперимент и не исчерпывается реконструкцией событий, оно скорее нуждается в реставрации культурной памяти (в известном роде это гештальты национальной истории, выводимые из нее самой как содержимое из содержания). Человеческий ум и воображение гораздо деликатнее и органичнее восстановят утраченные фрагменты, нежели формально просчитанные интерполяции и усредненные биты и пиксели.

Вероятно, уважаемый читатель заметил: наш текст изобилует отрицательными частицами и антитезами. Во-первых, тем самым подчеркивается его полемичность (кстати, весьма свойственная традициям русской мысли). Во-вторых, обозначается апофатический характер и метод изложения, ибо апофатика — это искусство убеждать, не аргументируя. И потому — принципиально чуждое конфронтации. По Вал.Муравьеву, “все изменения в мире, изучаемые наукой, являются функцией то или иной множественности элементов” [12]. Получается, человеку исключительно сложно объять

всеединство, мыслить вневременными категориями. Наука на такое не способна, но у религиозного и творческого мышления шансы есть.

Отринем упрощения: человечество — вовсе не статистическая совокупность “человеков”, куда правильнее представлять его образом, коему должно пребывать в грядущем. Соборное человечество превзойдет противоречия любых теорий прогресса: и мистических, и позитивистских, и идеалистических. В конечном счете, спор двух миров (советского и буржуазного) тоже укоренен в символе веры — вопросе о реальности построения коммунизма. Возможно, оттого что русское слово “построение” парадоксально существует в измерениях и процесса, и итога. Результатоориентированные глумятся, верующие в Путь подвижники — строят. Мы убеждены в истинности советской парадигмы, где единый вектор человеческой истории — освобождение труда во имя сотворения светлого будущего ради всех и для каждого.

Вне сомнений, русская история уникальна, но при этом отнюдь не локальна, не обособлена и не помечена вечным ордынским ярлыком евразийства. Если рассматривать Запад и Россию в плане власти, налицо удивительная синхронизация форм правления: военная демократия, раннефеодальные монархии, раздробленность, национальные государства, сословно-представительные монархии, просвещенный абсолютизм и т.д. При сравнении в контексте технологического роста — выявляется очевидное запаздывание нашей страны. Сопоставляя историю философии, обнаруживаем редкостную статику, незыблемость русской картины мира (“остановившиеся часы хотя бы дважды в сутки показывают правильное время”), особенно — на фоне зарубежного мировоззренческого ассортимента. В итоге можно сказать, что три выбранных системы координат вполне образуют для России целостное пространство исторического времени, тогда как буржуазная гуманитаристика зачастую обслуживает потребности, адаптируя реальность к очевидности, упрощая вечное до относительного. Отсюда — разные формы детерминизма, толерантность, квази-концепции (модерн, постмодерн), нигилизм и очень много критики — не всегда, впрочем, конструктивной. Естественно, без критики и сравнений — никуда, но ее предназначение состоит в ее же превосходении, суперации.

Итак, Россия — и впрямь иная планета, но вместе с планетой Запада вращается по разным орбитам вокруг единых христианских идеалов. Другой вопрос, что Запад перманентно экспериментирует с настройками радиуса орбиты и скорости вращения, планируя высадку на Светило и его ближайшее присвоение (диалектика должного и сущего, метафизического и эмпирического), а Россия относится к сакральному Светилу подобающе благоговейно, орбиту не меняет и скорее допустит конец света у себя, чем исчезновение источника света.

Возможно, мы допустили не вполне академичную образность, метафоричность изложения, но и это — снова в русле национальной традиции. Нам представляется, эстетизация есть тот путь (безусловно, сложный), который и не рассорит людей, и напомнит им: в каждом живет чувство прекрасного; предназначение человека — творческий поиск гармонии в себе и во всем окружающем. В таком подходе всегда пребудет и научная, и событийная новизна. Эстетика истории по-русски немыслима без парадоксализма.

Ссылки на источники

1. Погодин М.П. Сочинения: [В 5-ти т.]. М.: Синод. тип., 1872-1876.
2. Симашенков П.Д. О преемственности в политической истории России // Культура и образование: от теории к практике. 2015. Т. 1. № 1. С. 27-31
3. Чичерин Б.Н. Философия права. Избранные сочинения. М., 2016. 408с.
4. Аксаков И.С. Собрание сочинений. М., 1886. 846 с.
5. Биbihин В.В. Мир. М., 2007. 432с..
6. Pavel D. Simashenkov. About Russian version of historical progress // Modern European Researches. Salzburg, 2019. №2. P. 52-58
7. Симашенков П.Д. Компетентностный подход в кадровой политике: покушение с негодными средствами // Кадровик. 2018. № 11. С.72-79
8. Федотов Г.П. Россия и свобода. В кн.: Новый град. Нью-Йорк, 1952. С.139-171
9. Лесков Н.С.. Собрание сочинений в 11-ти томах. Том 7. М. : Гослитиздат, 1958. 497с.
10. Карташев А.В. Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956. 251с.
11. Симашенков П. Д. Исторический прогресс и инволюция идеалов : этико-философское исследование. Самара : ООО «Издательство АСГАРД», 2017. 176с.
12. Муравьев В.Н. Сочинения. Кн.1 М. : ИМЛИ РАН, 2011, 704с.